

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

НЕ УГАСАЙ, ТИМОНИХА

В древней Вологде прошла Всероссийская научно-практическая конференция “Инновационное развитие сельских территорий”. В ней приняли участие заместитель председателя Совета Федерации Михаил Николаев, начальник департамента социального развития территорий Министерства сельского хозяйства РФ Дмитрий Торопов, главы муниципальных образований, общественные деятели, ученые, руководители сельскохозяйственных организаций, фермеры. Потенциал агропромышленного комплекса региона огромный. Здесь есть что посмотреть. В первый день работы конференции гости побывали в Шекснинском, Усть-Кубинском, Грязовецком районах, в Спасском и Новленском сельских поселениях Вологодского района. За “круглым столом” были обсуждены важнейшие проблемы: развитие предпринимательской деятельности и потребительской кооперации, активизация жилищного строительства, подготовка кадров для АПК, создание социокультурных центров на базе общеобразовательных средних школ и другие. Но основной разговор состоялся на пленарном заседании, где довольно обстоятельно была проанализирована ситуация в агропромышленном комплексе. Прозвучали конкретные предложения, как вывести деревню из финансово-экономического кризиса, нарастить производство сельскохозяйственной продукции, обеспечить занятость населения. Столь мощный “мозговой штурм”, думается, поможет крестьянам решить многие насущные проблемы.

В конференции участвовал и председатель Общественного совета по возрождению деревень, сопредседатель Правления Союза писателей России Александр Арцибашев. Его раздумья о поездке в вологодскую глубинку публикуем в этом номере.

С великой печалью воспринял из Вологды весть о том, что в родной деревне писателя Василия Ивановича Белова – Тимонихе, что в Харовском районе, не осталось ни одного жителя. Помнится, работая в сельском отделе газеты “Правда”, часто звонил туда и подолгу беседовал с Беловым о крестьянских бедах. В отсутствие писателя к телефону подходила его покойная матушка Анфиса Ивановна – мудрая, рассудительная, душевная женщина. До сих пор в памяти ее проникновенный голос. Жаль, не довелось увидеться. Сам Василий Иванович в последние годы сильно хворает и редко выбирается в деревню. Разве друзья свозят по лету на денек-другой в родной дом, чтобыдохнул вольного воздуха, попарился в баньке. Мне кажется, это поддерживает его больше, чем лекарства. Представляю, сколь тяжело Белову думать об исчезающей крестьянской России...

Купив билет на поезд в Вологду, позвонил другому классику русской литературы Юрию Васильевичу Бондареву. В свои восемьдесят шесть лет за-

щитник Сталинграда, участник битвы на Курской дуге, автор знаменитых романов “Горячий снег”, “Батальоны просят огня”, “Тишина”, “Берег”, “Выбор”, “Искушение” и многих других, так же как и Белов, очень остро переживает за судьбу деревни, заброшенные поля, редущие год от года мужицкие подворья.

— Кто же будет кормить страну? — спросил меня Бондарев. — Ведь это чудовищно: вырезано две трети коров, впусе десятки миллионов гектаров пашни...

— Действительно, дошли до края, — ответил я. — Ситуация в деревне очень тяжелая: ни зерно, ни мясо, ни молоко не приносят крестьянам прибыли, а работать себе в убыток никто не будет.

— Почему же раньше-то колхозы имели миллионные доходы?

— Государство не стояло в стороне от деревни. Почти пятая часть бюджета направлялась на развитие сельского хозяйства. Было мощное тракторное и комбайновое машиностроение, росло производство минеральных удобрений и средств защиты растений, ежегодно вводились в строй сотни крупных животноводческих комплексов, прокладывались тысячи километров внутрихозяйственных дорог, газопроводов, водопроводных сетей, много строилось жилья, школ, детских садов, больниц. Все эти программы рухнули в начале девяностых годов с приходом к власти Бориса Ельцина. Затеянная им “реформа” агропромышленного комплекса обернулась очередным разором деревни. Ныне на село направляется лишь один процент бюджетных средств.

— Обидно за крестьян, — грустно произнес Бондарев. — Сколько же безумных “экспериментов” вынесла наша деревня! Крестьянский корень подрублен. Мне не раз приходилось бывать на Вологодчине. Удивительно красивый край! Трудолюбивый, сметливый народ. Однажды тогдашний главный редактор журнала “Наш современник” Сергей Васильевич Видулов пригласил пожить две недели в его родной деревеньке. С удовольствием принял его предложение. Побывал в Кирилло-Белозерском монастыре, Череповце, в ряде хозяйств. Остался доволен поездкой. Тогда поразили своей ухоженностью поля, тучные стада коров на пастбищах, исправные крестьянские дворы. На Русском Севере испокон веку мужики строились обстоятельно. Здесь не было крепостного права. Отнюдь не случайно царь Иван Грозный хотел сделать Вологду столицей государства. Собственно, отсюда и пошла Русь-матушка.

Такой вот был разговор. После этого я взял в руки дореволюционный статистический справочник и проанализировал положение дел в русской деревне на начало двадцатого века. Цифры поголовья крупного рогатого скота в северных губерниях России меня просто потрясли. Десятками лет нам внушали, что, дескать, у нас плохие климатические условия для ведения сельского хозяйства: суровые зимы, тощие поля, короткий световой день... Согласен, кукурузу на севере не вырастишь, как ни старайся, но производством-то мяса и молока тут искони занимались успешно. Ныне же животноводство — самая провальная отрасль.

Судите сами. В 1916 году вологжане имели 850 тысяч голов скота. В том числе 485 тысяч коров. А еще 567 тысяч овец, 72 тысячи свиней, 290 тысяч лошадей. Понятно, скот без кормов не стоял. Хватало пастбищ и сенокосов. Крестьяне славно управлялись со всем этим огромным хозяйством. Вологодское масло хорошо знали за границей.

А вот картина сегодняшнего дня. В здешних хозяйствах всего 203 тысячи голов скота — вчетверо меньше дореволюционного. Коров — 93 тысячи. Овец, можно сказать, вывели. Разве поголовье свиней нарастили до 117 тысяч.

Среди соседних областей Вологодчина выглядит еще солидно. А вот в Архангельской области коров осталось только 28 тысяч, в Новгородской — 25, Костромской — 36, Ивановской — 38, Псковской — 57, Ярославской — 68, в Карелии — 13 тысяч. Откуда же взяться молоку и мясу? Вся надежда на привозное. Почему терпим такое положение дел? Где спрос с глав регионов, районов, сельских поселений? В царской России не было ни одной губернии, где поголовье коров составляло бы менее 200 тысяч. Впрочем, приведу конкретные цифры: в Архангелогородской губернии дойное стадо исчислялось в 222 тысячи голов, Тамбовской — 281, Вятской — 469, Тверской — 759, Нижегородской — 378, Санкт-Петербургской — 635, Московской — 310, Пермской — 361, Рязанской — 327, Саратовской — 316, Смоленской — 460, Ярославской —

370 тысяч. В целом по России на 1916 год поголовье крупного рогатого скота составляло почти 39 миллионов, в том числе – 18 миллионов коров. Плюс 23 миллиона лошадей, 67 миллионов овец, 13,6 миллиона свиней.

Только в двух российских регионах удержали животноводство на высоком уровне. Это в Башкирии и Татарстане. До революции поголовье крупного рогатого скота составляло здесь соответственно – 1,4 миллиона и 800 тысяч, ныне – 1,7 миллиона и 1,1 миллиона. Как видим, даже увеличили стадо. Потому-то и демографическая ситуация в этих республиках не столь пугающая, как в исконно русских селах и городах. Чем объяснить такой разрыв? Получается: сами себя губим...

Такого бегства из деревень, как ныне, я что-то не припомню. Ежегодно родные гнезда покидает свыше 700 тысяч селян! Куда бегут? Где и кто ждет горемык? Это что, “лишние” люди? Из богатых крестьянских дворов никто никогда не убежал. Бегут от нищеты и безысходности.

... По приезде в Вологодскую область отправился в Грязовецкий район. Ехал старинным Архангелогородским трактом и внимательно всматривался в мелькающие за окном машины поля и деревеньки. Донимала назойливая мысль: “Ну не может быть такого, чтобы крепкие вологодские мужики все разом растерялись и опустили руки...”

Порадовалась встреча с директором племзавода имени 50-летия СССР Василием Ивановичем Жильцовым. Он двадцать семь лет у руля колхоза. Сметливый, расторопный хозяйственник. На таких пока еще и держится российская деревня. Село Юрово, где центральная усадьба, никак не назовешь захолустьем. Хорошее здание школы, добротные многоквартирные дома, асфальт. Есть краеведческий музей, библиотека, спортивный зал. Ну и само производство на высоте. В хозяйстве 4,1 тысячи голов скота, в том числе 1520 коров. Пашни – 3652 гектара. Занимаются семеноводством зерновых и многолетних трав.

Побывал на животноводческом комплексе в деревне Савкино. Новенькие фермы, современный доильный зал. Часть стада доят четыре робота, закупленные совсем недавно за границей. Стоимость каждого – шесть миллионов рублей. Коровы сами идут на дойку, гуляя без привязи по двору. Потом получают определенную норму комбикормов. Особого пригляда не требуется. Надой в среднем на корову свыше семи тысяч килограммов. Ежедневно из хозяйства отправляют в Москву в фирму “Данон” 32 тонны молока. Причем самого высшего качества.

Поинтересовался у главного зоотехника Раисы Петровны Легчановой:

- По какой цене отдаете молоко?
- Базисная ставка – одиннадцать рублей за литр, – вздохнула она. – Ну, еще доплачивают за жирность, белок...
- А себестоимость?
- Около десяти рублей.
- Не густо! – вырвалось у меня: – Бутылка газировки в магазине вдвое дороже.
- Куда же деваться? Не выливать же молоко в канаву...

В ходе беседы выяснилось, что коровам добавляют в корма премиксы иностранного производства. Надой при этом заметно возрастают. Стоят добавки дорого, но оправдывают себя. Так поступают фермеры и на Западе, где надой превышает десять тысяч килограммов. Однако гормоны роста, которыми пичкают животных, в конечном счете попадают в молоко, и это небезопасно для здоровья людей.

Поделился своими сомнениями с зоотехником. Она почему-то смутилась:

- Нельзя, конечно, злоупотреблять премиксами. Даем их не более четырехсот граммов на корову. Имеем свою лабораторию. Ежедневно делаем анализы на наличие антибиотиков, жира, белка, самматических клеток. Да и на “Даноне” раз в десять дней продукцию проверяют. Претензий нет...
- А на гормоны анализы делаете?
- Нет.

Мне вдруг вспомнился разговор с атташе по сельскому хозяйству одного из западных посольств в Москве. Я задал ему прямой вопрос: “Зачем вы используете гормоны роста при откорме скота и птицы и отгружаете в огромных количествах мясо в Россию? Это ведь во вред здоровью”... Ответ шокировал: “А вы думаете, в молоке гормонов меньше?”

В погоне за прибылью в настоящее время идут на разные ухищрения. Научная мысль не стоит на месте. Известно, что за рубежом широко используют генно-модифицированные кукурузу, сою, рис, картофель, овощи, активно ведут опыты по клонированию животных, разрабатывают новые и новые ядохимикаты, стимуляторы роста... Стоит ли нам перенимать все это без оглядки? Не лучше ли ориентироваться на производство здоровой пищи?

Ныне вошло в моду закупать за границей высокоудойных коров. Вот и в Юрове соблазнились – приобрели сотню телочек голландской селекции. Оно, конечно, специалистам виднее, на что тратить деньги, только тут следует, как говорится, семь раз отмерить... Неизвестно: приживутся ли в наших северных суровых условиях иностранки? А то ведь недолго погубить отечественное племенное дело.

Теперь о роботах. Это хорошо, но разве без них нельзя обойтись? Племязаводу имени 50-летия СССР придется аж два года отдавать всю выручку от молока, чтобы расплатиться за это оборудование. Меж тем в 2009 году прибыль колхоза уменьшилась до 6,5 миллиона рублей – одиннадцать процентов от предшествующего года. Только из-за снижения закупочных цен на молоко потеряли 35 миллионов. А с мясом что? Ежегодно сдают на мясокомбинат 500 тонн говядины. По 62 рубля за килограмм. При себестоимости – шестьдесят рублей. Раньше получали дотацию на мясо, сейчас не дают. Обирают крестьян, что называется, до нитки...

Как выворачиваться? Приходится сокращать работников. Десять лет назад в хозяйстве было 368 человек, ныне на сотню меньше. Да и зарплата не ахти... Разговорился на скотном дворе с выпускницей Вологодского молочно-го института имени Верещагина Ольгой Пахолковой. Она из Мурманска. Ветврач. Приехала в Юрово, выйдя замуж за местного паренька. У них – пятилетний сынишка. Живут на съемной квартире. Муж работает слесарем где-то в Вологде.

– Сколько ж получаете? – спросил девушку.

– Чуть больше десяти тысяч рублей, – ответила она грустно, – маловато по нынешней-то жизни. Три тысячи отдай за жилье, а на оставшееся тни мяса, как можешь.

– Но ведь молодым специалистам положены подъемные?

– Один раз дали четыре тысячи, и все. Говорят – кризис, денег нет...

Рядом стояла ветеринар Юлия Борисовна Нечаева. Отработала в колхозе 27 лет. Слушала нас молча, но не выдержала:

– Разве не обидно? Вроде как чужие государству... Ни внимания, ни заботы. За всю жизнь только два декретных отпуска и взяла, больше не отдыхала. А что заработала? Никаких сбережений. Обе дочери у меня окончили пединститут, однако работают продавцами. Учительская зарплата не устраивает. Наше хозяйство еще на хорошем счету, а другие вокруг давно разорились...

А потом был долгий разговор с директором Василием Ивановичем Жильцовым. Он сначала вскипел, когда я ему рассказал о беседе с ветврачом Ольгой Пахолковой:

– Взяли ведь сверх штата, войдя в трудное семейное положение. Грех жаловаться.

– Да она вовсе не жаловалась, Василий Иванович. Просто, видимо, наболело на душе. Была бы зарплата и в пятнадцать тысяч рублей – это же, согласитесь, тоже крохи...

– Так-то оно так, – уперся взглядом в стол директор и продолжил уже миролюбивым тоном: – Но год от года связывать концы с концами все труднее и труднее. Успели построить восемнадцатиквартирный дом. Половину жилья отдали молодым семьям. Надо думать о будущем. Средний возраст работающих – сорок два года. При нынешней экономической ситуации строить жилье практически уже не под силу. Нужна помощь государства. Вроде бы все делаем по уму: производим в год сельхозпродукции на сто пятьдесят пять миллионов рублей. Недавно взяли под свое крыло соседнее хозяйство “Покровское”. Забот прибавилось: три с половиной тысячи гектаров пашни, девятьсот коров. В целом надаиваем теперь ежедневно сорок пять тонн молока. Валовый сбор зерна – около восьми тысяч тонн. Продаем излишки. Со стороны могут подумать, катаются как сыр в масле. Увы, на счету каждый рубль. Вот и думаю: как же развиваться дальше?

Впрочем, не все так грустно. В том же древнем селе Покровском недавно возродили из руин церковь и родовую усадьбу святителя Игнатия Брянчанинова. Съездил туда. Белокаменный храм на взгорье – вроде путеводной звезды. Сохранился чудный парк с вековыми липами. В доме раньше размещался санаторий для душевнобольных, теперь проводят выставки, экскурсии, устраивают вечера. Род Бранчаниновых пошел от боярина Михаила Андреевича Бранко – оруженосца святого благоверного великого князя Димитрия Донского. По легенде, накануне знаменитой Куликовской битвы, чтобы запутать неприятеля, он переоделся в военные доспехи князя и был убит. Отец святителя Игнатия, Александр Семенович Бранчанинов, исполнял должность Вологодского губернского предводителя дворянства, принадлежал к самому образованному кругу людей того времени. В семье было девять детей. В пятнадцать лет отрока Димитрия определили в Петербургское военно-инженерное училище, и, казалось бы, перед ним открывалась блестящая карьера. Он был вхож в высший свет, увлекался литературой. Его незаурядный поэтический талант отмечали Пушкин, Батюшков, Крылов, Гнедич. Но он мечтал об иной судьбе. Познакомившись с оптинским старцем Львом, учеником преподобного Паисия Величковского, Димитрий укрепляется в желании уйти в монастырь. Сам император был против его отставки. Однако Бранчанинов все же уединился в Александро-Свирской обители. Затем в течение 24 лет был настоятелем Свято-Троицкой Сергиевой пустыни. В 1857 году – епископ Кавказский и Ставропольский. Умер святитель Игнатий 13 мая 1867 года. Мощи его почивают в Свято-Введенском Толгском женском монастыре. На юбилейном Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1988 году он был причислен к лику святых.

Такая вот трогательная история. Находясь в Покровском, чувствуешь какую-то особую Божью благодать. В 1992 году сюда приезжал покойный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В полуразрушенных стенах совершил торжественный молебен. До этого в храме складировали зерно. Патриарх прошел внутрь церкви по дощатому настилу и осенил стены крестным знамением. Началась служба. Пел хор Свято-Троицкого монастыря. Люди не скрывали слез. С этого дня и началось возрождение святыни.

Убранство Покровского храма скромненькое. Старики рассказывали, что в тридцатые годы прошлого века все древние иконы сложили рядом с церковью в кучу и сожгли. Всего в Грязовецком районе до 1917 года насчитывалось 72 церкви и семь монастырей. Основательно пеклись о людских душах, и потому ели свой, а не чужой хлебушек.

Подтверждением тому, что с душами нынче не все ладно, является растущее год от года число брошенных родителями детей. Беда эта не обошла стороной и Вологодчину. В том же Грязовецком районе сейчас зарегистрировано 327 сирот. Их, конечно, берут под опеку, усыновляют, удочеряют, устраивают в детские дома, семьи. Кстати, немало больных, недоразвитых. А чему удивляться? Пьянство на селе повальное. У алкоголиков и наркоманов дети по определению не могут быть здоровыми. Жалко несчастных. Однако все же находятся добрые души. Скажем, в деревне Панфилово в девяти семьях приютили 31 ребенка! Государство оказывает таким финансовую поддержку. И слава Богу! Только ведь отца и мать никто не сможет заменить. В масштабе России каждый год при живых родителях количество брошенных детей увеличивается на 100 тысяч! Возможно ли нечто подобное в какой-либо другой стране мира? Сомневаюсь.

Оцепенение от демократических “реформ”, кажется, проходит. В российской глубинке все больше людей начинают понимать, что судьбу надо брать в собственные руки. Со стороны жизнь никто не направит. В Верховажском районе, граничащем с Архангельской областью, есть такое село Сметанино. Так вот там развернул довольно бурную деятельность фермер Александр Васильевич Мызин. Раньше работал агрономом в колхозе “Верховье”. Пока был жив толковый председатель Петр Федорович Игнатовский, дела в хозяйстве складывались неплохо. К сожалению, он умер. Избрали нового руководителя, но тот не справился с должностью и, по сути, привел колхоз к банкротству. Что делать?

Мызин решил попытать счастья в фермерстве. Поначалу взял 179 гектаров земли. Приобрел два трактора. Реконструировал под молочную ферму старый телятник, куда поставил 39 коров. Молоко возил на маслозавод в Верховаж-

жье. Потихоньку раскрутился. Теперь у него 1870 голов крупного рогатого скота, в том числе 360 коров. Причем родной, холмогорской породы. Средний надой: 4200 литров. Молоко – на вес золота, поскольку экологически чистое. Фермер принципиально не использует премиксы, только сено и зернофураж. В Вологодском учебно-опытном молочном комбинате, куда отгружает продукцию, вырабатывают из мызинского молока детское питание. От покупателей нет отбоя.

А еще Мызин взялся за возделывание традиционной на Русском Севере культуры – льна-батюшки. Многие хозяйства в последние годы перестали его сеять, льнозаводы зачахли. Помню, как дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза “Путь Ленина” Котельничского района Кировской области Александр Дмитриевич Червяков с гордостью показывал мне свои льняные поля. В хозяйстве под долгунцом было 700 гектаров. Лен буквально озолотил колхозников. Имели на нем баснословные доходы. А совсем недавно Червяков позвонил и сказал, что не засевают льном ни одного гектара: сырье никому не нужно. . . Поэтому, прослышав о планах Мызина, очень удивился.

Встретились с Александром Васильевичем. Коренастый, кряжистый, бородатый, с приветливым русским лицом, он с первых минут знакомства сразу расположил к себе. Из потомственной крестьянской семьи. Отец, Василий Егорович, был трактористом, мать, Нина Петровна, – доярка. Семеро детей. Жили как все: огород, корова, поросята, куры. . . С ранних лет мальцов приучали к труду. Наука не прошла даром.

– Ну разве это дело – носить китайские рубашки? – улыбнулся Мызин. – На Руси искони лен был в почете, что ж свое-то хаять? Начинать с двадцати пяти гектаров. Ныне – шестьсот. Заканчиваем строительство завода по переработке тресты на длинное волокно. Вологодский текстильный комбинат гарантирует сбыт. Думаю, не прогорим. . .

– Трудности есть? – поинтересовался у фермера.

– Как без них? Приходится крутиться, словно белка в колесе. Недавно вот мировой судья наложил взыскание за задержку зарплаты работникам – дисквалифицировал меня. Почему так вышло? Мне задержали выплаты по субсидированному кредиту. А я как раз рассчитывал на эти деньги. Три месяца длилось разбирательство. Слов нет. . .

Мне вдруг подумалось: “Господи, ведь тот самый судья трижды в день садится за стол есть. Неужели ему в голову не приходит, что без таких мужиков, как Мызин, тяжко придется народу? Это – опора России”.

Встреча с фермером зарядила меня оптимизмом. Лишний раз убедился: возрождение деревни пойдет не сверху, а снизу. Мызину никто не помогал. Сам построил добротный дом, поднял на ноги троих сыновей. Старший Илья – электромеханик, средний Артем – программист, младший Иван – строитель. Все под отцовским крылом. У них есть будущее. Так бы везде.

Ну и, конечно, побывал я у Василия Ивановича Белова. Пришел к нему вместе с вологодским писателем Михаилом Ивановичем Карачевым. Страстный ревнитель деревянной Вологды, защищающий от разрушения памятники истории, он взялся за, казалось бы, неподъемное дело: возрождение деревни Тимонихи. С группой энтузиастов разработали общественно-благотворительный проект, целью которого является создание модели комплексного развития сельских территорий с учетом исторических, культурных и духовных традиций Русского Севера. Здесь испокон веку проблемы решались всем миром. Нашлись желающие переселиться в Тимониху, чтобы заняться земледелием и животноводством. Разрабатываются туристические маршруты. Например, вот уже несколько лет ездит сюда профессор Токийского университета Ясуи Рёхей. Что тянет его в глубинку? Необыкновенно красивая природа и загадочная русская душа. Высоко ценит творчество Василия Ивановича и так же, как писатель, остро переживает за опустение русских деревень.

. . . Проговорили с Беловым допоздна. О литературе, театре, живописи (у него приличная коллекция картин известных художников). Ну и, конечно, зашла речь о крестьянских проблемах.

– Ныне кругом заросшие кустарником поля, брошенные фермы, – сокрушённо покачал головой писатель. – Жутко! А ведь проложили хорошую дорогу, подвели электричество. Чего бы не жить? До последнего времени в Тимонихе держалась одна старушка, но и та захворала и перебралась в город к детям. Представьте, каково думать о покинутом родном доме? Надо

понять простую истину: без молодежи у деревни нет будущего. Нашим правителям следовало бы бросить ныне все силы и средства на создание хороших условий жизни в глубинке. Порознь решать экономические и социальные проблемы нельзя. С землей неладно... Паями завладели богачи. Вряд ли они будут заниматься сельским хозяйством: купил, перепродал... Кто на них будет батрачить? Земля должна принадлежать крестьянам. И еще: нельзя переводить коров. Нет коровы – нет семьи, а значит, и детей. Хорошо помню свою Красулю, которая нас вскормила. По гроб буду благодарен ей.

– Тянет в Тимонику? – поинтересовался я.

Лицо Белова просветлело, глаза повлажнили:

– Жду не дождусь лета... Хочется в баньку. Зима нынче выдалась снежной, морозной. Сажу вот и думаю: “А избы-то в деревне, поди, занесло по самые стрехи”...

Голос Василий Иванович осекся. На прощание он крепко пожал мне руку и глухо произнес:

– Передай поклон Юрию Васильевичу Бондареву. Скажи, что я его очень люблю и ценю. И как солдата, и как писателя. Отец мой погиб под Смоленском. Ездил туда, искал могилу. Увы, не нашел. Сталин был скуповат на деньги: не все имена павших выбиты на обелисках. Вернись батяня и другие мужики с войны в Тимонику – думаю, наша деревня бы не угасла...